

А.И. Миловидов

**Освобождение крестьян
Северо-западного края и
поземельное устройство их
при графе М.Н. Муравьеве**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

A11 **А.И. Миловидов**
Освобождение крестьян Северо-западного края и поземельное устройство их при графе М.Н. Муравьеве / А.И. Миловидов – М.: Книга по Требованию, 2021. – 60 с.

ISBN 978-5-458-17038-3

Оттиски из "Виленского календаря" за 1902 год.

ISBN 978-5-458-17038-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Освобожденіе крестьянъ Сѣверо-Западнаго края и поземельное устройство ихъ при графѣ М. Н. Муравьевѣ.

Крѣпостное право въ бѣлорусскихъ и литовскихъ губерніяхъ. Неудавшійся политическій маневръ польскихъ помѣщиковъ въ 1857 году и стремленіе ихъ затормозить крестьянскую реформу. Положеніе крестьянъ Сѣверо-Западнаго края послѣ освободительнаго манифеста и отношеніе ихъ къ мятежу. Взглядъ М. Н. Муравьева на крестьянскій вопросъ Сѣверо-Западнаго края. Былъ-ли М. Н. Муравьевъ крѣпостникомъ? Преобразование имъ 'мировыхъ учрежденій Сѣверо-Западнаго края. Выкупная операція и несправедливые нападки за нее на графа М. Н. Муравьева. Его заботы о надѣленіи землею лишенныхъ ея крестьянъ. Лѣсные сторожа. Батраки и вутниги. Вольные люди. Государственные крестьяне. Общіе выводы.

I.

Россія приняла Сѣверо-Западный край въ періодъ наибольшаго развитія въ немъ крѣпостнаго права, когда власть помѣщиковъ простиралась до „права меча“. Послѣднее было ограничено русскимъ законодательствомъ, но крѣпостное право продолжало существовать, и при томъ, благодаря нѣкоторымъ національнымъ особенностямъ польскихъ помѣщиковъ и созданнымъ вѣками бытовымъ условіямъ, оно отлилось въ болѣе тяжелыя формы, чѣмъ въ великороссійскихъ губерніяхъ. Мемуары и официальные записки 30-хъ и 50 хъ годовъ яркими красками рисуютъ намъ беззавѣтное, бѣдственное и вполнѣ рабское положеніе западно-русскаго крестьянина, лишеннаго правъ не только собствен-

ности, но и личности. Страсть къ наживѣ была одною изъ отличительныхъ чертъ польскаго помѣщика, на развитіе которой несомнѣнно оказывала вліяніе вѣковая связь его съ самымъ корыстолюбивымъ изъ народовъ—евреями, а также главная идея и мечта, охватывавшая всю жизнь поляка и требовавшая денежныхъ средствъ,—мечта о политической свободѣ, объ „отбудованіи ойчизны“. Благодаря этой чертѣ помѣщики отличались необычайною изобрѣтательностью въ вытягиваніи всѣхъ жизненныхъ соковъ изъ крѣпостныхъ, въ собираніи съ нихъ различной „данины“ и эксплуатаціи ихъ рабочей силы. По общему мнѣнію изслѣдователей крестьянскаго вопроса въ Западной Россіи до 1861 г., барщина тамъ была труднѣе, чѣмъ въ Великороссіи. О размѣрахъ ея даютъ понятіе такъ называемые инвентари, или помѣстные описи, заведенныя еще въ XVI вѣкѣ, опредѣлявшія угоды и повинности крестьянъ. По нимъ единицею надѣла считалась „уволока“ (19¹/₂ дес.) всякой земли, включая усадьбу. Но полныя уволочныя хозяйства встрѣчаются рѣдко, а обыкновенно они имѣютъ ³/₄, ¹/₂ уволоки; хозяйства съ ¹/₄ уволоки назывались полунадѣловыми. Но инвентарное положеніе не было постоянной и обязательной нормой: помѣщики измѣняли тягла, перемѣняли земли, замѣчалось даже небывалое въ Россіи стремленіе къ отбранію пахатной земли у крестьянъ съ оставленіемъ лишь усадебной (халубники, огородники) и даже къ обезземеленію ихъ, что породило обширный классъ „бобылей“ или кутниковъ, количество которыхъ въ Ковенской губерніи въ 60-хъ годахъ равнялось 24% всего крестьянскаго сословія. Сообразно количеству земли требовались и повинности. Главная изъ нихъ была „панщина“, состоявшая въ еженедѣльномъ исполненіи земледѣльческихъ работъ каждымъ хозяйствомъ 5—6 дней („пригонъ“), или всѣмъ помѣстьемъ („сгонъ“, „гвалтъ“). Кромѣ того крестьяне несли всѣ строительныя работы („шарварки“), подводную повинность („подорощизна“), ночной караулъ, исполняли услуги на фольваркѣ („сторожеводство“), женщины ткали, пряли и исполняли другія женскія работы для пановъ. Въ разрядъ повинностей

добавочныхъ входили, кромѣ денегъ, всевозможные сборы натурою (птица, медъ, грибы и т. п.) ¹⁾. Размѣры всего этого, равно какъ и число рабочихъ дней было предоставлено произволу помѣщиковъ, отчего крестьяне работали на нихъ круглый годъ, не исключая даже перваго дня Пасхи. Отъ подобнаго произвола помѣщиковъ не было свободно и великорусское крестьянство; но тамъ опъ въ значительной мѣрѣ былъ парализованъ общиннымъ устройствомъ, при которомъ мѣръ съ его круговою порукою, мѣрскими сходками представлялъ силу, съ которой приходилось часто считаться помѣщику. Тамъ не былъ такъ распространенъ обычай отдавать имѣнія арендаторамъ, которыми въ западныхъ губерніяхъ являлись преимущественно евреи. Тамъ также не было распространено гибельное для сельскаго населенія пропинаціонное право, по которому крѣпостные обязаны были покупать водку только у своего помѣщика. Наконецъ, помѣщичій произволъ и нерѣдкія злоупотребленія крѣпостнымъ правомъ въ Великороссіи смягчались религіознымъ и національнымъ единствомъ господъ и рабовъ, тогда какъ въ Западномъ краѣ, гдѣ они принадлежали не только къ различнымъ, но и враждебнымъ національностямъ и вѣроисповѣданіямъ, находившимся въ вѣковомъ антагонизмѣ,—крѣпостничество порождало возмутительныя проявленія помѣщичьей власти и вело къ крайнему обѣдненію, забитости и приниженности крестьянина ²⁾. Въ великорусскихъ нечерноземныхъ губерніяхъ почти $\frac{2}{3}$ крѣпостныхъ сидѣли на оброкѣ и потому пользовались свободой труда, благодаря чему тамъ нерѣдки были единичные случаи, когда крѣпостные при трудолюбіи достигали не только значительнаго достатка, но и богатства, давали займы деньги своимъ господамъ, выкупались на волю, выходили въ купцы. Въ Западномъ же краѣ все крѣпостное населеніе было посажено на барщину и не имѣло свободной отлучки изъ дома для заработковъ.

¹⁾ Семевскій. Крестьянскій вопросъ въ Россіи. II, стр. 394—403.

²⁾ Въ архивѣ виленскаго генер.-губернатора находимъ жалобы крестьянъ на притѣсненія и увѣще отъ помѣщиковъ за вѣру даже въ 1862 г.

Если же послѣдніе имъ дозволялись, то по распоряженію самихъ помѣщиковъ или закабалившихъ ихъ лицъ, которыя ставили крестьянъ къ какому-нибудь подрядчику и такъ эксплуатировали крестьянскій трудъ ¹⁾. Нерѣдки были случаи продажи крѣпостныхъ великоруссамъ для отправления рекрутской повинности. При разившемся вѣками шляхетскомъ гонорѣ, паны, вмѣстѣ съ эксплуатацией, питали глубокое презрѣніе къ своему хлопугу съ его хлопской вѣрой, не признавали ни личныхъ, ни имущественныхъ правъ, видѣли въ немъ лишь рабочій скотъ („быдло“), изъ котораго, при помощи „бизуна“ (плетки), можно извлекать рабочую силу, брать и ничего не давать (даже земли), и вмѣстѣ подвергать крайнимъ нравственнымъ униженіямъ, о чемъ особенно старались посессоры (часто изъ евреевъ) и оффиціалисты, стремившіеся только угодить пану большими доходами съ имѣнія. Въ 1835 году витебскій губернаторъ писалъ про западно-русскихъ крестьянъ, что „они не имѣютъ никакого понятія о собственности, ни желанія пріобрѣтать ее, преданы унынію и безпечности, не дорожа своей собственностью по неувѣренности въ обладаніи оною, они пропиваютъ въ корчмѣ все, что успѣваютъ скрыть отъ владѣльца, который, стараясь извлечь свою выгоду, содѣйствуетъ оному ²⁾. Другой очевидецъ быта западно-русскихъ крестьянъ въ 1863 году писалъ о нихъ: „подчиненные помѣщикамъ, чуждымъ имъ по происхожденію, они испытываютъ все, что испытывалъ чернѣйшій человѣкъ на плантаціяхъ Миссисипи“ ³⁾. Хуже всего было то, что экономическая и правовая зависимость отъ пановъ вела къ порабощенію духовному, служившему началомъ вліянія религіознаго и

¹⁾ Исключенія составляли въ Могилевской губ. имѣнія гр. Румянцевыхъ (нынѣ Паскевича Эриванскаго), у которыхъ до 20 тысячъ душъ крестьянъ сидѣли на оброкѣ и пользовались полнымъ самоуправленіемъ.

²⁾ Семевскій. II, стр. 486—87.

³⁾ Русскій Вѣстникъ 1868 г., № 10, стр. 716. Одинъ мировой посредникъ приводитъ распространенную въ краѣ поговорку: „зробишь—панъ бере, не зробишь—панъ дере; нехай-же, кажу, его чертъ побере“. (Постановл. Гродн. по крест. дѣл. присут. за 1864 г., июль).

политическаго. Успѣхи быстрого окатоличенія и ополяченія Западно-русскаго края главнымъ образомъ обязаны крѣпостному праву, вносившему съ собой рабство духовное.

Русская администрація, въ лицѣ генераль-губернаторовъ и губернаторовъ, неоднократно дѣлала представленіе правительству о необходимости ограниченія произвола помѣщиковъ въ крестьянскихъ надѣлахъ и повинностяхъ, при чемъ только и считала возможнымъ поправить пришедшее въ нищету и нравственное убожество крестьянство. Когда въ 1840 году Императору Николаю I-му сообщили, что лучшимъ средствомъ для этого можетъ быть пересмотръ и введеніе въ силу обязательныхъ инвентарей, то онъ предписалъ поспѣшить ихъ пересмотромъ. Открытые для этого губернскіе инвентарные комитеты въ 1844 г. взялись за дѣло просмотра частныхъ инвентарей, намѣреваясь на нихъ обосновать экономическое и юридическое положеніе крестьянъ, привести въ соотвѣтствіе съ крестьянскимъ надѣломъ и ихъ повинности. У крестьянъ явилась надежда на облегченіе своей участи. И дѣйствительно, частные инвентари начали утверждаться въ 1845, 1846 и 1847 годахъ, а 22 декабря 1852 года было Высочайше повелѣно: въ виленскомъ и витебскомъ генераль-губернаторствахъ ввести новые инвентари, составленные на основаніи правилъ, изданныхъ въ 1848 году для юго-западныхъ губерній. Но такъ какъ они ограничивали власть помѣщиковъ, то послѣдніе разными просками успѣли добиться того, что въ 1854 году послѣдовало новое правительственное распоряженіе о пересмотрѣ инвентарныхъ правилъ въ губернскихъ комитетахъ. Такъ какъ членами послѣднихъ въ большинствѣ были тѣ же поляки, то дѣло введенія инвентарей затормозилось. „Инвентари, говоритъ одинъ современникъ этого дѣла, составлялись, провѣрялись, вводились и браковались; все дѣло шло крайне туго и вяло, по нѣскольку разъ передѣлывалось сызнова и не дало никакихъ результатовъ. Быть крестьянъ не улучшился; мѣстами ихъ положеніе даже стало хуже; они упали духомъ и надежды ихъ стали потухать *).

*) Семевскій. Кр. вопросъ. II, стр. 513.

II.

Но заря крестьянской свободы уже загоралась надъ бѣднымъ Западнымъ краемъ, хотя здѣсь ей суждено было вынести упорную борьбу съ мракомъ крѣпостничества. Въ ноябрѣ 1857 года, когда, послѣ извѣстной рѣчи Государя московскому дворянству, въ самомъ уже воздухѣ начали чувствовать скорую отмѣну крѣпостного права, дворяне трехъ западныхъ (литовскихъ) губерній, занимавшіеся въ упомянутыхъ инвентарныхъ комитетахъ, по скрытымъ политическимъ видамъ, которые откроются дальше, признали необходимымъ *„для улучшения быта своихъ крестьянъ освободить ихъ отъ крѣпостной зависимости, сохранивъ неприкосновенными права помѣщиковъ на землю *).* Это ходатайство генераль-губернаторомъ В. И. Назимовымъ было передано Государю, который выразилъ литовскому дворянству особенное свое удовольствіе, неоднократно указывая на него, какъ на примѣръ для русскихъ помѣщиковъ, и повелѣлъ издать на имя того же генераль-губернатора рескриптъ, которымъ разрѣшалось приступить посредствомъ особо учрежденныхъ въ каждой губерніи комитетовъ и для всѣхъ трехъ губерній одной общей комиссіи, къ составленію проектовъ подлежащихъ положеній. Въ рескриптѣ были указаны комитетомъ руководящія правила, въ основу которыхъ вошли положенія крестьянъ остзейскихъ губерній, съ нѣкоторыми измѣненіями, соответствовавшими мѣстнымъ условіямъ и инвентарнымъ правиламъ Сѣверо-Западнаго края. Личное осво-

*) Это было не первое предложеніе польскихъ помѣщиковъ дать свободу своимъ крестьянамъ. Въ первый разъ оно было заявлено въ 1817 г. во время дворянскихъ выборовъ въ Вильнѣ, при чемъ по другимъ историческимъ источникамъ эта готовность была только видимая и когда Императоръ Александръ I черезъ генераль-губернатора далъ согласіе на освобожденіе крестьянъ, то дворянство литовское отвѣтило уклончиво, что готово „послѣдовать примѣру старшихъ братьевъ“. Во 2-й разъ то же намѣреніе было заявлено дворянствомъ Линабургскаго уѣзда въ 1819 году. Когда проектъ былъ уже готовъ, оставалось его утвердить, то лишь небольшая часть дворянства согласилась на сдѣланный прежде вызовъ, а остальное дворянство отказалось отъ какихъ-либо ограниченій въ правахъ на владѣніе крестьянами. Семевскій. Кр. вопросъ I, 465—466.

божденіе крестьянъ должно произойти въ теченіе 12 лѣтъ. Земля остается собственностью помѣщиковъ, но для предотвращенія бродяжничества въ сельскомъ населеніи должна быть ему оставлена осѣдлость усадебная, приобрѣтаемая имъ посредствомъ выкупа ¹⁾. Въ началѣ 1858 г. въ Вильнѣ, Ковнѣ и Гроднѣ уже усиленно работали комитеты, въ которые вошли 28 человекъ, изъ нихъ только 4 были православные, 8 нѣмцевъ, остальные—поляки ²⁾. Такимъ образомъ, земля и свобода чисто русскаго населенія, аборигеновъ края, полившихъ его своею кровью, была въ рукахъ пришельцевъ. Проникнутые духомъ наживы, презрѣнія и ненависти къ сельскому населенію, дворяне стремились выработать такое положеніе о крестьянахъ, при которомъ они получали бы лишь призракъ свободы, на самомъ же дѣлѣ, благодаря обезземеленію, еще болѣе закрѣпошались, какъ въ сосѣднемъ Прибалтійскомъ краѣ, гдѣ сами помѣщики, создавъ цѣны на крестьянскій трудъ, тѣмъ самымъ продлили рабство. Но всѣ планы эти разрушились въ концѣ того же года, когда Государь рѣшительно высказался за немедленное дарованіе крѣпостнымъ правъ свободныхъ сельскихъ сословій съ правомъ на немедленный выкупъ опредѣленнаго количества земли отъ помѣщиковъ.

Такая реформа совершенно не входила въ соображенія польскаго дворянства, разрушала вѣковое рабство, лишала пановъ создавшагося вліянія политическаго и религіознаго. Они употребили всѣ усилія отстоять землю, давъ крестьянамъ лишь личную свободу, и дѣйствительно, паны добились такихъ себѣ льготъ, какія не были признаны для внутреннихъ губерній. Такъ, несмотря на чрезвычайное стѣсненіе крестьянъ Сѣверо-Западнаго края въ надѣлѣ, послѣдній не получилъ тамъ опредѣленной нормы. Во всѣхъ великорусскихъ губерніяхъ обезземеленнымъ крестьянамъ

¹⁾ Скребицкій. Крестьянское дѣло въ царствованіе Императора Александра II-го. Т., стр. I—XII.

²⁾ Тамъ же, стр. 886—892.

предоставлено право на полученіе надѣла, лишь въ Литовскихъ губерніяхъ не было принято никакихъ мѣръ къ возвращенію земель обезземленнымъ крестьянамъ и къ обезпеченію батраковъ. За тѣми же крестьянами были сохранены инвентарныя повинности, на практикѣ не имѣвшія никакой нормы и т. п. Вообще польскіе помѣщики во время выработки Положенія объ освобожденіи крестьянъ, по свидѣтельству одного дѣятеля крестьянской реформы, „старались болѣе всего сохранить за собою власть надъ крестьянскими участками; отстранить принципъ безсрочнаго пользованія землею; вмѣсто безграмотнаго волостнаго суда ввести судъ и разбирательство помѣщика; назначить помѣщиковъ начальниками волостей, не допускать установленія крестьянскихъ общинъ; не давать крестьянамъ самоуправленія, однимъ словомъ,—удержать крестьянское населеніе въ полной административной и политической зависимости отъ дворянства“ *). Несмотря на значительность данныхъ панамъ льготъ, онѣ казались имъ недостаточными и вотъ, когда уже Положеніе было готово вчернѣ, представители польскаго дворянства дѣлають послѣднее усиліе затормозить дѣло освобожденія крестьянъ. Въ началѣ 1861 года виленскій предводитель дворянства Домейко подалъ на имя министра внутреннихъ дѣлъ Ланскаго ходатайство, въ которомъ въ рѣзкихъ выраженіяхъ просилъ вновь пересмотрѣть проектъ Положенія, на томъ основаніи, что „ни одинъ членъ главнаго комитета и государственнаго совѣта не имѣетъ населенныхъ имѣній въ литовскихъ губерніяхъ и что въ Петербургѣ нѣтъ ни одного представителя мѣстнаго дворянства, чтобы могъ онъ представить объясненія по крестьянскому вопросу“. Въ то же время ковенскій предводитель дворянства Давгирдъ, рассылая подобнаго же содержанія письма и записки нѣкоторымъ членамъ государственнаго совѣта, вопреки закону (Св. З., I, 96), ссылаясь въ нихъ на печатные документы редакціонныхъ комиссій, которые ему не могли быть знакомы и которые онъ предавать рѣзкой критикѣ. Ланской въ отношеніи своемъ къ генераль-

*) А. Ф. Гильфердингъ. Собраніе сочиненій. II, стр. 322.

губернатору, выясняя всю незаконность и несвоевременность этих протестовъ, могущихъ внести лишь смуту, прямо указывалъ ихъ скрытый мотивъ: они, отвергая наслѣдственное, постоянное пользованіе крестьянъ инвентарными ихъ участками, стараясь при томъ значительно сократить выпущенный крестьянскій надѣлъ, утвержденный дѣйствующими инвентарями и древнимъ обычаемъ и, наконецъ, устраняя отдѣльные выкупы крестьянами усадѣбной ихъ осподности, тѣмъ самымъ стремятся къ удержанію крестьянъ въ той вещественной зависимости отъ мѣстнаго дворянства, которая равнялась зависимости крѣпостной и вредила и въ политическомъ отношеніи *). Этотъ документъ намъ показываетъ, каковы были люди, пользовавшіеся довѣріемъ правительства, съ которыми пришлось впоследствии М. Н. Муравьеву рѣшать крестьянскій вопросъ, а также ясно опровергаетъ хвастовство нѣкоторыхъ польскихъ историковъ и публицистовъ, стремящихся доказать, что въ Россіи „лучъ крестьянской свободы впервые загорѣлся на берегахъ Вислы и Нѣмана“. Ходатайство польскихъ дворянъ 1857 года, равно какъ предложенія ихъ въ 1817 году, представляютъ собою не свѣтлые лучи свободы, а лишь блуждающіе польскіе огни, не разъ вводившіе въ обманъ русское правительство.

Теперь, когда эти событія отошли отъ насъ, по выраженію Марлинскаго, на разстояніе историческаго выстрѣла, когда архивные и печатные документы, подобно приведенному, со всею ясностью говорятъ, что польскіе помѣщики не только вскорѣ послѣ своего ходатайства 1857 года, но и за весь періодъ поземельнаго и общественнаго устройства крестьянъ Сѣверо-Западнаго края ничѣмъ не проявили своего желанія объ улучшеніи ихъ быта, напротивъ—употребили всѣ усилія оставить ихъ въ прежнемъ положеніи, мы имѣемъ право сказать, что ихъ ходатайство передъ Государемъ было неискренне, преслѣдовало своекорыстныя цѣли и было лишь искуснымъ политическимъ маневромъ. Заявляя первыми

*] Архивъ Канцеляріи генераль-губернатора 1861 г. № 161.

свое желаніе и рѣшимость исполнить волю Царя, польскіе дворяне могли разсчитывать на особыя отъ него милости и на согласіе съ ихъ проектомъ, что попрежнему ихъ дѣлало хозяевами края. А если бы реформа не состоялась по ея величію или обычной русской медлительности въ подобныхъ дѣлахъ, тогда бы они могли себя выставить друзьями народа. благимъ намѣреніямъ которыхъ препятствуетъ „московска сирава“. Въ томъ и другомъ случаѣ они отвлекали бы къ себѣ отъ правительства народъ, что собственно и требовалось для возстанія. Первая часть программы, можно сказать, удалась: паны приобрѣли милость Царя и добились многихъ льготъ, въ родѣ амнистіи эмигрантовъ, но относительно крестьянской реформы они оплблись, почему стали усиленно ее тормозить. Затаенную, нехорошую мысль при вотированіи дворянствомъ постановленія объ улучшеніи быта крестьянъ, нѣсколько разоблачаетъ также современникъ этого событія талантливый поэтъ Вл. Кондратовичъ (Сырокомля). Въ стихотвореніи своемъ по этому случаю (на польскомъ языкѣ) онъ говоритъ между прочимъ: „я читалъ благую волю Царя, напоминающую людямъ ихъ человѣческія права, я бытъ увѣренъ, что никакая жертва не будетъ тяжела для сердца литвина“ Далѣе описывается съѣздъ пановъ, маршалковъ, или предводигелей дворянства въ Вильнѣ, на которомъ произошло что-то такое, вслѣдствіе чего поэтъ съ горечью восклицаетъ: „свершилось!... край мой родной! въ эту минуту ты сорвалъ съ себя вѣнецъ чести—твои отцы собственными именами и подписями закрѣпили кандалы людямъ.. они передали дѣтямъ, презрѣнной памяти, свою испытанную на практикѣ олеку надъ гминою—мнѣ стыдно.. я не хочу быть литвиномъ, и позоръ гербу моему“ *). Послѣдующее отношеніе польскихъ помѣщиковъ къ крестьянскому вопросу какъ нельзя болѣе подтверждаетъ неискренность ихъ ходатайства 1857 года и скрытые политическіе виды.

III.

При утвержденіи Положенія 19 февраля 1861 г., по

*) Вилен. Вѣст. 1866 г. № 135.